

0135

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Сабрина Филинс

ПОДАРИ МНЕ
НАДЕЖДУ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Сабрина Филиппс

Подари мне надежду

«Центрполиграф»

Филипс С.

Подари мне надежду / С. Филипс — «Центрполиграф»,
— (Любовный роман – Harlequin)

Либби и Орион расстались пять лет назад и с тех пор ни разу не виделись. И вот Либби приезжает в Грецию, чтобы оформить официальный развод. Но у Ориона совсем другие планы...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сабрина Филипп

Подари мне надежду

Глава 1

Лицо менеджера компании выражало пессимизм.

– Мистер Деликарис, боюсь, что по результатам опроса общественного мнения вы по-прежнему уступаете Спайросу.

Орион кинул недовольный взгляд на график, проецируемый на стену. Они сидели рядом за длинным полированным столом. От злости у Ориона свело челюсть. Он никогда не позволял себе проигрывать и ждал того же от членов своей команды. Ведь он им за это платит, в конце концов!

– Мы делаем успехи, – с тревогой продолжал менеджер, осознавая недовольство босса. – Особенно после того, как в ходе кампании было заявлено, сколько вы собираетесь вложить в строительство доступного жилья и новой больницы. Просто успех не так велик, как мы ожидали.

Он нажал на кнопку пульта, который держал в руке, и картинка на стене сменилась более обнадеживающим графиком, что только сильнее разозлило Ориона. Он получил доказательство, что его команда аналитиков ошибается во всем.

Орион потер переносицу:

– Итак, несмотря на то что наша политика полностью удовлетворяет нужды жителей Метамейкоса, человек, являющийся коррупционером, как и его отец, по-прежнему самый популярный кандидат? – Он оглядел сидящую за столом команду. – Кто-нибудь удосужится объяснить мне причину?

Наступило долгое, неловкое молчание.

Наконец с противоположного конца стола раздался голос:

– Вероятно, люди опасаются за вас голосовать.

Все ахнули. Орион медленно повернул голову к говорящему. Это был Стефанос, пресс-секретарь, самый молодой, недавно нанятый член команды.

– Продолжайте.

– Люди видят в вас холостяка-миллиардера, который внезапно решил, что желает стать их лидером. – Стефанос сделал паузу, ожидая гнева Ориона, но его не последовало. Это придало ему мужества, и он уточнил: – Возможно, вы обещаете людям то, что они хотят услышать, но, судя по результатам, они явно не доверяют вам. Вероятно, думают, что вы просто исполняете свой каприз: попробовать и доказать, что вы преуспеете во всем, чего хотите. Или, может быть, они считают, что, победив на выборах, вы будете заниматься бизнесом в Афинах и не посвятите достаточного времени своим новым обязанностям. Избиратели скорее проголосуют за дьявола, но дьявола, которого они знают.

Орион задумчиво изучал Стефаноса. А парень не промах! Он напоминает его самого. Молодой человек тоже понимал, что политика и бизнес – понятия разные. Люди голосуют душой, стремления которой не всегда согласуются со здравомыслием.

– И что я, *по-вашему*, должен делать?

Члены команды обменялись изумленными взглядами. Руководитель предвыборной кампании выглядел оскорбленным.

Стефанос глубоко вздохнул и продолжил:

– Для того чтобы люди стали вам доверять, им нужно чувствовать с вами связь; знать, что у вас такие же, как у них, нужды, жизненные приоритеты – старые, добрые жизненные ценности греков.

Орион скривился. Его жизненные приоритеты всегда были старомодными.

– Я вырос в Метамейкосе, – серьезно сказал он.

– Тогда убедите избирателей, что по-прежнему считаете Метамейкос своим домом, – приободрился Стефанос. – Что дом, который вы там купили, не просто очередная ваша недвижимость. Что вы намерены там обосноваться.

– И как вы предлагаете мне это сделать?

– Честно? – Стефанос помедлил и чуть неуверенно сказал: – По-моему, лучше всего вернуться в Метамейкос с женой.

Орион помрачнел.

– Остается надеяться на то, что у вас имеется альтернативное предложение, – выдавил он, – так как это меня не устраивает.

Либби уставилась на огромный трехмерный логотип «Деликарис», вращающийся в середине фонтана, на громадные автоматические стеклянные двери, ведущие в суперсовременный офис Риона. Она снова сказала себе, что поступает правильно.

Еще неделю назад Либби искала предлог, чтобы никогда больше не появляться в Афинах. И даже в эту минуту ей хочется бежать отсюда. Хотя, вне сомнения, сейчас она поступает верно. Пора им обоим разойтись. Как иначе, если она и Рион не общались уже пять лет?

Пройдя мимо здания ратуши и старого многоквартирного дома, Либби предалась воспоминаниям. Однако это всего лишь воспоминания... Они возникли потому, что она и Рион давно не виделись. Когда-то она любила этого человека, хотя сейчас едва ли его узнает...

Судя по внешнему виду его офиса, Рион сильно изменился. Изменилась и Либби. Пока она тратила деньги по минимуму, катаясь по миру лишь с путеводителем и потрепанным рюкзаком на спине, Рион, должно быть, не вылезал из деловых костюмов и не терял ни часа, добиваясь успеха в бизнесе.

Может быть, поэтому он не привлекал своих адвокатов к их разводу? Либби задавалась этим вопросом бесчисленное количество раз. Неужели он был так занят работой, что забыл о юридических тонкостях?

Либби поверила, что такое могло быть, когда наконец вошла через автоматические двери в здание и оказалась в огромной сияющей приемной.

– Чем могу вам помочь? – спросила секретарша с блестящими волосами, снисходительно глядя на выцветшее платье и удобные кожаные сандалии Либби.

Либби вдруг поняла, что она единственная женщина в этой приемной, на которой нет туфель на очень высоких каблуках и дизайнерского делового костюма. Но ей было все равно.

– Я хотела бы увидеться с Орионом Деликарисом...

– Вам назначено?

Либби понимала, что не слишком удобно разговаривать с Рионом в его офисе, но она не знала ни его домашнего адреса, ни телефона.

– Нет, но я подумала, что в перерыв на обед...

Регистраторша вздернула подбородок и фыркнула:

– Значит, вы ошибались. Мистер Деликарис не имеет времени на *перерыв на обед*. Он чрезвычайно занятой человек.

Либби об этом не забыла. Вне сомнения, теперь он занят еще больше. Но неужели спустя пять лет он не найдет для нее десяти минут?

– Может быть, вы окажете мне любезность, и позвоните мистеру Деликарису, и позволите ему решить, захочет он меня видеть или нет? – с подчеркнутой кротостью сказала Либби.

Однажды, когда не появился туристический автобус, ей пришлось брать двадцать два верблюда и перевозить на них туристическую группу, поэтому черта с два она испугается какую-то высокомерную особу!

Регистраторша выдохнула сквозь стиснутые зубы, устало подняла телефонную трубку и идеально наманикюренным пальчиком нажала на кнопку:

– Электра, дорогая, извини, что отвлекаю. Тут какая-то женщина, она настаивает, чтобы мы сообщили мистеру Деликарису о ее приходе. М-м-м. Да, еще одна. Она думает, что, узнав о ее приходе, он согласится с ней встретиться. – Она повернулась к Либби: – Как ваше имя?

Либби глубоко вздохнула.

– Меня зовут Либби Деликарис, – ответила она. – Я его жена.

В кабинете стояла тишина.

– Мне кажется, альтернативного предложения нет, – ответил Стефанос. – Вы можете проводить в Метамейкосе как можно больше времени; поддерживать местных бизнесменов; участвовать в здешних мероприятиях и продолжать пытаться расположить к себе мэра, но избиратели поверят в то, что вы действительно намерены там обосноваться, только если вы женитесь.

Орион скривился:

– Повторяю, брак невозможен.

Стефанос удивился тому, что человек, который клялся, что ни перед чем не остановится, чтобы выиграть эти выборы, даже не желает рассмотреть его предложение.

В это время зазвонил интерком на столе Ориона. Нажав на кнопку, он резко произнес:

– Слушаю.

– Простите, что прерываю вас, мистер Деликарис, но в приемной женщина, которая требует, чтобы мы сообщили вам о ее приходе.

– Кто она?

Многозначительное молчание.

– Она говорит, что ее зовут Либби Деликарис и что она... ваша жена.

Орион замер, не в силах даже пошевелиться.

Наконец-то она вернулась! Наконец-то сочла его достаточно достойным.

Этого момента он ждал слишком долго. Ее мнение Ориона больше не интересует, но зато у него наконец-то появилась возможность отомстить.

Орион победоносно выпрямился. Краем глаза посмотрел на свою команду и внезапно обрадовался так удачно подвернувшемуся случаю. Либби приползла к нему *теперь*, когда ему следует убедить мир в приверженности старым греческим традициям. Его глаза заблестели, губы изогнулись в язвительной усмешке. Как кстати...

Нажав на кнопку интеркома, он с отменным самообладанием произнес:

– Спасибо. Пусть поднимается.

Орион чувствовал, как присутствующие округлили глаза. Происходило нечто непонятное, ведь он никогда не говорил о своей жене. Но ведь он никогда не говорил и о неудачах прошлого.

– Извините, господа. Боюсь, нам придется отложить совещание на некоторое время.

Мужчины молчаливо покинули комнату. Задержался только Стефанос.

– Знаете, мне только что пришло в голову альтернативное предложение, как убедить избирателей, – пятась к двери и глядя боссу прямо в глаза, сказал он. – Ничто так не трогает сердца, как история счастливого воссоединения.

Либби не называлась фамилией мужа в течение пяти лет. Судя по шокированной секретарше, Рион никому не говорил о существовании жены. Хотя его приказ пропустить ее стал

доказательством того, что она говорит правду. Через несколько секунд секретарша, придя в себя, стала самым воплощением вежливости и даже детально объяснила Либби, как добратся до офиса по лестнице, когда та сказала, что предпочтет не пользоваться лифтом.

Поднимаясь по лестнице, Либби почувствовала, как от волнения у нее засосало под ложечкой. Она заставила себя успокоиться. Их отношения остались в прошлом. Это всего лишь формальность: немного неловкое, но дружеское общение двух людей, которые действительно оказались незнакомцами. Возможно, когда все закончится, она даже почувствует ощущение полной свободы, к которому стремилась, но так его и не обрела. Она убеждала себя в этом, когда, наконец добравшись до верхнего этажа здания, постучала по большой двери из красного дерева, на которой была табличка с его именем.

– Войдите.

Да, теоретически ее чувства должны были умереть давным-давно, но, едва его увидев, Либби поняла, что серьезно ошибалась.

Конечно, она прекрасно понимала, что Орион Деликарис, или Рион, как она его называла, был самым желанным мужчиной на планете. Она и не рассчитывала, что он станет другим. Но она думала, что годы и богатство изменят его хотя бы частично. Но к своему ужасу, она обнаружила, что он совсем не изменился. Твердая линия подбородка, роскошные черные волосы, подернутые влагой карие глаза, пробуждавшие ее юношеские фантазии и будоражившие душу в зрелом возрасте. Именно эти глаза смотрели на нее в упор в день свадьбы и в первую брачную ночь...

Либби моргнула, отгоняя воспоминания.

– Привет, Рион, – выдавила она.

Рион оглядел ее с головы до ног и смутился, испытав самое сильное возбуждение за несколько лет. Но Либби на него действовала так только потому, что он по-прежнему считал ее отвергнувшей его женщиной! А вызовы судьбы привлекали Риона всегда. Как только она начнет умолять его принять ее обратно, его желание испарится. И все же его злило, что Либби так влияет на него, особенно теперь, когда так изменилась. Густые белокурые волосы, которые когда-то закрывали спину шелковистым покрывалом, были коротко острижены. Но, несмотря на мальчишескую стрижку, черты лица Либби стали даже утонченнее. Ее изящная фигура и бледность, которые когда-то сводили его с ума, сменились чувственными формами и соблазнительным золотистым загаром.

Он заскрежетал зубами – она наверняка ведет праздную жизнь! Карибские пляжи и модные магазины, покупки в которых оплачивают ее родители. Хотя этот образ не вязался с ее одеждой... Похоже, «Ашворт моторс» переживает трудные времена. Злобная часть его натуры понадеялась, что он не ошибается. Ведь появляется шанс подразнить Либби.

– Итак, расскажи мне, – произнес Рион, не понимая причины ее столь долгого отсутствия, – почему ты так задержалась?

Его вопрос и непримиримое, почти враждебное выражение его лица застigli Либби врасплох. Но она могла его понять.

– Я поднималась пешком по лестнице, – ответила она, глядя на часы на стене. Подъем по лестнице занял у нее всего пять минут. Ей хотелось крикнуть ему: «Ты знаешь, что я не пользуюсь лифтом!» – но потом она вспомнила, что Риону об этом неизвестно. Он вообще слишком мало о ней знал, как и она о нем. – Прости, если время неподходящее.

Он криво усмехнулся:

– Наоборот, сейчас самое подходящее время, но я не это имел в виду. Я ждал тебя годы, Либберти.

Либби захотелось поправить его, сказать, что больше никому не позволяет так ее называть, но она сдержалась.

– Ты хочешь сказать, что пытался со мной связаться? Извини. Мне правда интересно, искал ли ты меня. Но я почти все время за границей. Я только теперь начала заниматься выписками с банковских счетов, присланных мне три года назад.

– Если бы я хотел тебя разыскать, то разыскал бы.

Но он не желал ее искать. Какой смысл в поисках, если Рион всегда был уверен, что она приползет к нему обратно, как только он добьется успеха? У него появится шанс отомстить, унижить ее. Да, прошло немало времени, но он был готов прождать пятьдесят лет, если бы потребовалось.

Либби нахмурилась.

– Я ожидал, что ты вернешься, когда мое имя впервые появилось в списке богатых людей планеты. Или ты ждала, когда я попаду в десятку самых богатых?

Либби насторожилась. Рион решил, что она пришла к нему за деньгами? Она недоуменно уставилась на него и тут же поняла, что ее первоначальная оценка неверна. Он изменился. Стал жестче и циничнее. Возможно, ей следует радоваться тому, что он оказался для нее незнакомцем, как она и ожидала. Но почему-то ей стало грустно...

– Я никогда не читала и не читаю подобных изданий!

Он жестом указал на огромный кабинет, смежный с ним сад на крыше и невероятно красивый вид на Акрополь и насмешливо выгнул бровь:

– Хочешь сказать, ты не подозревала, что мое положение изменилось?

– Конечно. Но я пришла сюда не за этим.

Рион уничижительно рассмеялся. И все-таки она осталась прежней Либерти Ашворт. По-прежнему отрицает, что ее интересуют деньги. По меньшей мере это объясняет, почему она одета как бродяга. Вероятно, собиралась убедить его, что ее больше не интересуют материальные ценности.

– Но если ты не знала об изменении моего положения, зачем вернулась?

Либби глубоко вздохнула, понимая, что настал ответственный момент.

– Я здесь потому, что прошло пять лет, а нам следовало это уладить давно, – тихо произнесла она, открывая сумку и кладя на стол пачку документов.

Сначала Рион не понял, что она имеет в виду. Он был слишком занят, разглядывая ее лицо. В его присутствии ее щеки покраснелись. Он догадывался, что она долго готовилась к этому разговору. Но, поняв, что она ждет его ответа, он посмотрел на стол.

Либби почувствовала угрызения совести, когда увидела, как его глаза округлились от ужаса, вины и неверия. Неужели он действительно так удивлен?

Заявление о разводе.

Рион уставился на документ, переполняясь изумлением и яростью. Но изумление длилось всего мгновение. Несмотря на достижения и заработанные миллионы, он по-прежнему был не парой дочери лорда и леди Ашворт.

– Конечно, – с горечью сказал он.

Либби сглотнула подступивший к горлу ком:

– Ты согласен, что мы слишком долго откладывали это дело?

Рион закрыл глаза и глубоко вздохнул, его душа разрывалась от злости и страдания. Он совсем не так представлял момент ее возвращения!

И вот злость начала одерживать верх, и он заставил себя открыть глаза. Он не позволит себе страдать снова! Она хочет развода? Так что же? Он тоже желает развестись, но не развелся потому, что ждал возможности отомстить. Разве сейчас ему не подвернулась такая возможность?

Он взглянул на ее лицо. Ее щеки теперь пылали. Пусть Либби не желает оставаться его женой, но она явно, как и прежде, испытывает к нему влечение. И он по-прежнему хочет ее, нравится ему это или нет.

Губы Риона растянулись в ленивой улыбке. Ему не требуется ее высокое мнение о нем. Ему нужна жена на время проведения избирательной кампании. Он хочет в последний раз затащить ее в постель. Затем он отвергнет ее – точно так же, как когда-то она отвергла его. Он докажет ей, что физическое влечение к нему сильнее классовых различий.

– Нет, *женушка*, – он намеренно заговорил по-гречески, – жаль, что приходится тебя разочаровывать, но я не согласен.

Она услышала в его тоне угрожающие нотки, и ее сердце екнуло.

– Пожалуйста, пусть мое заявление о разводе проверят твои адвокаты, если хочешь. Они подтвердят, что я ни о чем тебя не прошу.

– А если бы и просила, ничего бы не получила, – ответил он таким холодным тоном, что Либби показалось, будто по ее спине провели кубиком льда. Казалось, пропала последняя надежда решить это дело по-дружески. – Итак, просвети меня, – продолжал он, задаваясь вопросом, осмелилась бы она просить у него денег. – Если деньги тебе не нужны, почему ты жаждешь со мной развестись?

– Потому что глупо оставаться неразведенными, – начала оправдываться она. – Юридически мы в браке, но даже не знаем телефонных номеров друг друга. Заполняя этот формуляр, я поставила галочку в графе «замужем», хотя не видела тебя пять лет. Это притворство.

Рион внимательно посмотрел на нее:

– Когда-то было иначе...

«Да, – уныло подумала Либби, изумляясь тому, сколько эмоций он сумел вложить в свои слова. – Когда-то было иначе».

В ее мозгу промелькнул ряд образов: Афины, покрытые неожиданным февральским снегом, падающим, словно холодное конфетти. Она заправляет взятое напрокат свадебное платье в резиновые сапоги. Они упрашивают двух продрогших прохожих, которые в обмен на обещание угостить их горячим шоколадом становятся свидетелями на их с Рионом скромной свадебной церемонии в ратуше. День их свадьбы – первый день в ее жизни, в котором не было притворства.

– Да, – призналась она, стараясь говорить спокойно, – когда-то было иначе. Но теперь по-другому. Прошло пять лет.

– Верно. В течение этих пяти лет ты могла попросить о разводе, но не попросила. Почему сейчас?

Либби застенчиво пожала плечами. Его слова заставляли ее задаваться таким же вопросом. Почему она так долго ждала? Потому что все это время надеялась... Нет, она всегда знала, что между ними все кончено!

– Я всегда думала, что ты свяжешься со мной по этому поводу. Потом я уехала за границу и была слишком занята, чтобы беспокоиться об этом. Но когда по работе мне пришлось приехать в Афины, я решила, что будет глупо не воспользоваться возможностью и не решить вопрос по-дружески при встрече.

– Ты думаешь, что сможешь *по-дружески* развестись с мужем-греком? – Рион покачал головой. – Тогда ты плохо знаешь греков, *женушка*.

– Я полагала, что, будучи греком, ты обладаешь логикой. И что ты поймешь, что нам нет смысла оставаться женатыми, прошло пять лет...

– Если бы дело было в этом, тогда да, – выдохнул он, и Либби показалось, что температура в кабинете упала ниже нуля. – Но дело не в этом. Ты по-прежнему хочешь меня. Я это вижу. Ты всегда меня хотела, с тех пор как впервые увидела. – Он шагнул в ее сторону. – И даже убежав от меня за несколько тысяч миль, ты все еще хочешь меня, так?

Либби почувствовала, как ее лицо мгновенно залилось густой краской:

– Если и так, сексуальное влечение не повод оставаться в браке.

«Особенно если сексуальное влечение перестало быть взаимным в тот момент, когда мы произнесли слова клятвы», – подумала она печально.

– Этот повод намного весомее тех, что ты предлагаешь в качестве причины для развода, – возразил Рион.

Либби судорожно соображала:

– Неправда! Существует много других причин, почему развод наиболее логичный выход. Я имею в виду... может быть... может быть, тебе захочется жениться на ком-нибудь в будущем. – При этой мысли ей стало тошно, но она продолжала: – Может быть, и мне захочется за кого-нибудь выйти замуж...

Либби не могла представить, что когда-либо выйдет замуж, но по меньшей мере это могло убедить Риона.

– Итак, мы наконец добрались до сути, – выдохнул Рион. – Кто он? Позволь мне догадаться: возможно, граф, герцог?

Либби резко вздохнула, не ожидая, что он сделает столь поспешный вывод. Но в то же время она заметила, как его рука потянулась к документам о разводе, словно он наконец увидел в нем смысл.

– Это имеет значение? – бросила она.

Рион разочарованно заскрежетал зубами, воображая женоподобного представителя английской аристократии, ласкающего роскошное тело Либби. Все эти годы он постоянно запрещал себе думать об этом.

Либби в отчаянии тряхнула головой:

– Но в чем выгода, если мы останемся женатыми? В течение пяти лет я была на другом конце света!

– Сейчас ты уже не на другом конце света.

Она сердито тряхнула головой, решая заставить его раскрыть карты:

– Так ты хочешь сказать, что подписывать бумаги о разводе не станешь? Ты что же, хочешь, чтобы я вернулась к тебе как жена?!

– Да, женушка. Именно об этом я и говорю.

Глава 2

Либби недоуменно уставилась на него.

Сколько раз она мечтала услышать от него эти слова! Мечтала о том, что Рион не забыл ее, как и она его; что теперь они повзрослели, нашли себя в жизни. Она мечтала об этом чаще, чем хотела признать.

Эти мечты жили глубоко в душе, которая хотела верить в их осуществимость, но рассудок понимал, что этого не произойдет. Потому что перед Либби не было мужчины, жаждущего заново узнать ее и смотрящего на нее с надеждой. Она видела перед собой человека, беспокоящегося лишь о том, что она охотится за его деньгами, который готов на все, чтобы их защитить.

Она неуверенно шагнула к двери:

– Мне не следовало сюда приезжать. Я попрошу своего адвоката связаться с тобой. Вероятно, когда он скажет тебе, что я ничего от тебя не хочу, ты наконец согласишься.

Он шагнул к ней:

– Тебе не любопытно узнать, так ли будет хорош секс между нами, как прежде?

У Либби перехватило дыхание. Она отчетливо ощутила знакомый запах его тела – запах разгоряченного сильного тела, энергии, мужественности. Он производил такое же сильное впечатление, как мятная конфетка, впервые положенная на язык. Теперь помимо этого запаха чувствовался аромат дорогого лосьона после бритья. Но Либби понимала, что ей достаточно услышать лишь отголосок запаха Риона, чтобы потерять голову. Возможно, ее голова пошла бы кругом, если бы не отрезвляющие воспоминания о том, что Рион всегда был к ней равнодушен.

– Ладно, Рион, не притворяйся, что я удовлетворяла тебя в постели больше, чем в других аспектах жизни, когда мы поженились.

Он уставился на нее, почти не веря, что не ослышался. Понимает ли она, что даже сейчас он борется с желанием уложить ее на стол и овладеть ею?

– Ты думаешь, я притворяюсь! Тогда останься. Могу уверить тебя, что я с превеликим удовольствием докажу тебе обратное.

Либби покачала головой:

– Можешь оставить это занятие, Рион. Я знаю, ты боишься, что я охочусь за твоими деньгами.

– О, разве? – Он поднял брови. – А может, я просто хочу возродить наш брак?

Либби с трудом сглотнула. Ее сердце глухо барабанило, его стук эхом отзывался в висках.

– Нет... Я знаю, что не хочешь.

– Ну, если ты так уверена, то полагаю, так и есть, – сказал Рион, не сводя с нее взгляда, быстро подвинув документы о разводе по столу в ее сторону. – Но я не сомневаюсь, что мы посмотрим друг на друга в суде. Если ты по-прежнему хочешь начать процесс.

– Я...

– Ты обязана тщательно продумать, чего именно ты хочешь, – предупредил он, доставая из ящика стола лист бумаги, на котором написал адрес. – Завтра после обеда я улетаю в Метамейкос по делам. Если захочешь ко мне присоединиться, мы вылетим из этого аэропорта в четыре.

Она взглянула в лицо Риона:

– Не поняла.

– Завтра я улетаю в Метамейкос, – повторил он, вручая ей лист бумаги. – Я приглашаю тебя поехать со мной. Мы проведем вместе две недели, и я докажу тебе, почему наш развод абсолютно нелогичный поступок. Если же мне этого сделать не удастся, я подпишу все документы о разводе.

Либби открыла рот от изумления. Она была уверена, что он старается защитить свои банковские счета. Но на самом деле...

– Даже если... Но я не могу! Я должна подготовить несколько туристических туров для следующего сезона перед тем, как приедет моя первая группа, – выдала она.

Рион нахмурился:

– Туры?

– Это моя работа, – произнесла Либби, понимая, что не объяснила ему, почему именно приехала в Афины. – Я работаю в фирме «Фантастические туры от Кейт».

«Итак, она работает, – удивленно подумал он. – В туристическом бизнесе. Вот отчего она загорелая.

Вне сомнения, «Ашворт моторс» переживает тяжелые времена».

– Так поедem в Метамейкос! – Он пожал плечами. – Разработаешь туристический тур туда. Там самые красивые места в Греции.

Либби еще больше округлила глаза и попыталась что-то сказать:

– Я... я...

– Не нужно принимать поспешных решений, женушка. – Рион шагнул к двери. – Подумай об этом. У тебя есть время до завтра.

Затем он выставил Либби из кабинета и закрыл за ней дверь.

Оказавшись за пределами его кабинета, Либби словно приросла к полу, не зная, удастся ли ей теперь справиться со спуском по лестнице.

Рион сказал, что хочет выяснить, удастся ли им сохранить брак. Но удивительнее то, что он попросил ее поехать с ним, быть рядом во время работы в Метамейкосе.

Возможно, теперь Рион готов жить в браке, но иначе, чем прежде?

Ни разу за те три месяца, что они провели вместе как муж и жена, он не стремился проводить с ней больше времени или посвящать ее в свои дела. Он лишь отговаривал ее от того, чтобы она пошла работать. И Рион никогда не заговаривал о Метамейкосе, не говоря уже о возвращении с женой туда, где вырос...

Либби прислонилась к двери и закрыла глаза – воспоминания нахлынули на нее, словно лава из вулкана.

* * *

...Вернувшись в Афины, Рион сосредоточился на том, чтобы забыть прошлое и выстроить собственную жизнь. А Либби, с восторгом сбежав от тирана отца, тоже решила забыть прошлое. Ее голова была полна мечтаний. Она мечтала вести жизнь, не связанную с деньгами и общественным положением, жизнь, основанную на любви и свободе. Но она и Рион едва успели поклясться друг другу в любви, как он погрузился в работу по восемнадцать часов в сутки. Она фактически не виделась с ним. А в те редкие часы, когда они встречались, Рион только и говорил что о переезде в более просторную квартиру, о вложении денег в дом и о поисках инвестора для бизнеса.

Сначала Либби восхищалась его усердием. Она очень мало знала о его детстве. Только то, что Рион вырос в нищете, в бедном квартале Метамейкоса. Понятно, почему для него было так важно найти еще одну достойную работу.

Но Рион с каждым днем приходил домой все позже, и Либби было все труднее выносить его одержимость работой. Если бы Рион работал по восемь часов в сутки, то зарабатывал бы достаточно для оплаты аренды и счетов. Так зачем ему работать больше? Если он ее любил, неужели сверхурочное рабочее время ему было дороже вечеров и уик-эндов с ней?

Бежали недели, и Либби начала задаваться вопросом, любил ли ее когда-нибудь Рион. Ему не только не приходило в голову, что она чувствует себя одиноко, не зная, когда он придет домой с работы и придет ли вообще. Он не понимал, что Либби совсем не так представляла себе семейную жизнь. Он даже не разговаривал с ней о своей работе, не вовлекал ее в дела. Точно так же она чувствовала себя рядом с отцом и его фирмой «Ашворт моторс»... Возможно, Либби удалось бы смириться и с этим, если бы у них с Рионом были общие интересы в чем-то другом. Но, казалось, у Риона нет времени ни на что, кроме занятий любовью поздней ночью, когда он приходил домой. И ей стало казаться, что он разочарован их любовными ласками.

И в конце концов она должна была признать, что также разочаровалась в браке. Да, выйдя замуж за Риона, она ушла от диктата отца, не стала женой человека, которого тот выбрал для нее. Но в роли миссис Деликарис Либби чувствовала себя почти так же, как и в роли мисс Ашворт. Как и прежде, Либби не контролировала собственную жизнь – она не могла быть самой собой.

Она перестала быть Либби спустя три месяца после их свадьбы. И если бы тогда она не изменила ситуацию, брак погубил бы ее.

В то утро, когда она набралась смелости, Рион завязывал в спальне галстук.

– Рион, перед тем как ты снова уйдешь на работу, я хочу с тобой поговорить. Я решила пойти работать в языковую школу недалеко от дома. – Это не решило бы всех ее проблем, но хотя бы положило начало. – Им нужен носитель английского языка, чтобы вести уроки, – продолжала она, – и я подумала, что, если у нас появится небольшой дополнительный доход, тебе не придется так много времени проводить на работе.

Он покачал головой:

– Я уже говорил, что тебе незачем работать.

Она разочарованно вздохнула. Неужели он не понимает, что ей *необходимо* жить по-своему?

– Но я хочу! Я смогу выучить греческий язык, пока буду там...

– Я обещал, что найму тебе частного преподавателя. – Рион казался обиженным. – И он у тебя появится!

– Но я не хочу так долго ждать. Я не могу даже поболтать с соседями!

Рион скривился:

– Поверь мне, ждать не так долго.

Она покачала головой:

– И все равно, дело не только в этом. Я хочу преподавать, встречаться с другими людьми. – Она опустила плечи. – Когда ты на работе, мне так... одиноко.

Рион моргнул, глядя на нее:

– Я ужасно хочу ребенка, если ты это имеешь в виду.

Либби округлила глаза, не веря своим ушам. Она всегда мечтала о том, что создаст собственную семью, но после того как поживет для себя, и определенно не теперь, когда Рион предлагает ребенка как решение проблемы.

«Нет, – подумала Либби, и у нее защемило сердце. – Он не может понять потому, что совсем меня не знает».

Они поженились так поспешно, что она даже не имела возможности познать саму себя.

И в то мгновение до Либби внезапно дошло – как будто небо прорезала вспышка молнии и осветила все вокруг, – что чем дольше она останется с Рионом, тем меньше у нее шансов когда-либо себя познать.

Она тряхнула головой:

– Нет, Рион, я хочу не ребенка. Я хочу... – Она опустила веки и глубоко вздохнула. – Я не знаю точно, чего хочу, но не ребенка. Я... я не хочу здесь больше оставаться.

И тут она поняла, что была для него лишь большим разочарованием, каким был и он для нее.

Рион скривился:

– Тогда иди. Я думаю, мы оба знали с самого начала, чем все закончится...

Либби прерывисто вздохнула, заставляя себя открыть глаза, и моргнула от яркого искусственного освещения коридора офиса. Она вспомнила, как испытывала двойственное ощущение – сердечное страдание и чувство свободы, когда уходила от Риона. Она не могла так дальше жить. Ей требовалось время, чтобы найти себя и начать контролировать свою жизнь.

И вот теперь, несмотря на кардинальные изменения в жизни, Либби по-прежнему влечет к нему. Она протяжно выдохнула, слушая биение своего все еще учащенно бьющегося сердца. Больше всего ее поразило то, что ей сложнее всего бороться с влечением к нему. И напрасно Либби убеждала себя, что ничего не испытывает к Риону, ведь она больше не юная девушка, впервые в жизни безумно влюбившаяся. На свете, похоже, не было иного мужчины, который сумел бы вызывать в ее теле такие реакции, как Рион. Лишь одним взглядом!

Внезапно она потеряла равновесие и почувствовала, как уперлась спиной в твердые мускулы. Пока ее одолевали мысли об отношении к Риону, сам он только что открыл дверь кабинета, к которой она прислонялась спиной. Либби выскочила из его рук, ее щеки пылали.

– Я только... – выдохнула Либби, все мысли улетучились из ее головы. Хотя какие могут быть объяснения тому, что она, как законченная идиотка, стояла прислонившись к двери его кабинета?

– О, не нужно объясняться, – сказал он, изогнув губы в усмешке и проходя мимо нее. Он слегка коснулся ладонями ее бедер, будто желая помочь ей сохранить равновесие. – Такое бывает.

Рион нажал кнопку лифта, и его двери мгновенно открылись. Он жестом пригласил Либби следовать за ним, но она отчаянно замотала головой.

– Значит, до завтра, – произнес он улыбаясь.

Двери лифта закрылись до того, как Либби удалось возразить, что у нее еще двадцать четыре часа на размышление. И что она остановилась у двери его кабинета только затем, чтобы перевести дух.

Глава 3

Ночью Либби не сомкнула глаз, убеждая себя в том, что должна отказаться от предложения Риона. Но днем, в половине четвертого, она вместе со своим сильно потрепанным чемоданом оказалась в такси, едущем в аэропорт.

Сверкающий белый самолет с эмблемой «Деликарис экспериенсис» на борту сделал полукруг и остановился напротив них. До нее быстро дошло, что за годы, проведенные порознь, одержимость Риона собственным успехом достигла своего пика.

Было очевидно, что его интересуют только огромные деньги, заработанные им в течение пяти лет. Более того, он решил тратить их на подобные блестящие штучки вроде частного реактивного самолета. Будь у Либби столько денег, она отправилась бы напрямик в Африку и с пользой применила бы их там...

Либби тряхнула головой, ступая на гудронную полосу. Когда-то она считала Риона противоположностью своего отца, но теперь подозревала, что все это время самые главные мужчины в ее жизни были всего лишь противоположными сторонами одной монеты.

С сожалением Либби признала, что Риону было мало владеть самолетом. Подняв глаза, она увидела, что ему вздумалось еще и управлять им. С пересохшим ртом она наблюдала, как он выбрался из кабины пилота и появился на верхней ступеньке трапа. На нем были темные очки авиатора и белая рубашка с закатанными рукавами, открывающими загорелые предплечья. Она инстинктивно потянулась рукой вверх, чтобы расстегнуть верхнюю пуговицу своей хлопчатобумажной блузки.

– Тебе уже стало не по себе от мысли, что придется снова быть рядом со мной, женушка? – сухо спросил он, спускаясь по трапу.

На секунду в своем офисе, – когда она заявила, что у нее есть любовник, который ждет не дождется, когда на ней женится, – Рион даже засомневался в том, удастся ли ему убедить Либби поехать с ним. Но затем он почувствовал, как ее тело отзывается на него, когда она прижалась к нему, и сомнений у него не осталось...

– Хотя у меня автопилот самой последней модификации, – добавил Рион, – вряд ли будет разумно присоединиться к тебе в салоне самолета, чтобы заняться любовью.

По ее телу пробежала дрожь. Но как только Либби ощутила свою непроизвольную реакцию, она заставила себя успокоиться. Надеяться на то, что Рион не шутил, говоря о попытке возродить их брак, – это одно. Но начинать верить в то, что он чувствует нечто отличное от равнодушия в ее присутствии, – значит опасно заблуждаться.

Нет, самое безопасное в этой ситуации – утверждение, что оставаться в браке нерационально, ведь он не более воодушевлен ее компанией, чем в те месяцы, пока они были женаты. Если он докажет ей обратное, что ж, у нее будет время на повторную оценку своей точки зрения.

– Что не так с кабиной пилота? – смело бросила она ему.

Глаза Риона вспыхнули от удивления. Итак, невинной девушки, на которой он женился, давно нет, а на ее месте появилась опытная прелюбодейка, которая еще вчера заявляла, что ей нужен развод, а теперь строит планы, как они в ближайшем будущем займутся любовью. Рион был бесконечно разочарован.

Внезапно он разозлился. Потому что было не важно, как Либби себя ведет. Она по-прежнему напоминает ему о *его* невоспитанности. Так было всегда. Он прерывисто вздохнул. Но по меньшей мере ему не стыдно снова привезти Либби в дом в Метамейкосе, не стыдно доставить ее туда на самолете. Ведь пять лет назад после жалкой свадебной церемонии Рион был вынужден везти жену в обшарпанную съемную квартиру на автобусе. Ему стало не по себе от отвращения. С того момента, как он открыл парадную дверь этой квартиры – единственного

жилья, которое мог себе позволить в Афинах, – все его надежды на то, что он будет для этой аристократки подходящим мужем, испарились. Никогда прежде Риону не было так стыдно за свое происхождение.

И он знал, что Либби стыдится его, как никогда прежде. Она так отчаянно хотела сбежать от этого стыда, так слабо верила в него, что даже добровольно согласилась пойти работать. Но, хотя он сделал все, чтобы ей не требовалось работать, хотя он старался не посвящать ее в неприятные детали своей напряженной работы, трудился изо всех сил, чтобы набрать денег на собственное жилье, которым Либби стала бы гордиться, она все время была недовольна.

«И будет недовольна, – усмехнулся его внутренний голос, – хотя ты усердно работал, так как верил, что, узнав о твоём успехе, она приползет обратно».

Нет, причина не в этом.

Отвернувшись от Либби, он отрезал:

– Ты полетишь в салоне.

С непонятным разочарованием Либби поняла, что его не переубедить. В действительности он от нее не в восторге. И чем скорее Рион это признает, тем скорее она перестанет на что-то надеяться. Она быстро нагнулась, притворяясь, что рассматривает чьи-то ноги с противоположной стороны самолета.

– Потому что ты летишь со вторым пилотом?

– Нет. Я лечу один.

Либби прошла к трапу:

– Значит, я все-таки могу присоединиться к тебе, так?

Только в тот момент, когда Рион последовал за ней и присел рядом, она поняла: несмотря на попытки убедить себя, что он действительно не хочет ее, она по неосторожности сама обеспечила их непосредственную близость на протяжении всего полета.

– Как долго лететь до Метамейкоса? – нерешительно спросила Либби.

– Примерно час.

«Совсем ничего», – подумала она, стараясь расслабиться. Рион включил стартер. Не успели они взлететь, как она уже потеряла покой от вида его рук с длинными пальцами, управляющих сложными приборами. Она не могла не вспомнить, как когда-то эти руки касались ее обнаженного тела...

Боже, почему, видя его, ей все время хочется секса?

Либби неуклюже поерзала на сиденье и постаралась придумать логический ответ на свой вопрос. Вероятно, потому, что он стал первым ее мужчиной. Но хотя южная красота Риона была в новинку для пятнадцатилетней Либби, потом она встречала много мужчин, которые подходили под это описание. Учитель иностранного языка в вечерней школе, в которую она стала ходить сразу после того, как рассталась с Рионом и вернулась в Англию. Один или два экскурсовода, которых Кейт – сокурсница по языковым курсам – представила Либби, когда она выразила желание путешествовать. Множество мужчин, которых она неизбежно встречала на своем пути, начав путешествовать. Но ни один из них не вызывал в Либби столь неудержимого физического влечения. Или так было потому, что он оказался единственным мужчиной, с которым она занималась любовью?

– Когда ты научился летать? – спросила она, решив подвести разговор к обсуждению полета на неоправданно роскошном самолете.

– Несколько лет назад. Уроки пилотирования и вождения автомобиля были первыми слабостями, которые я решил себе позволить, – ответил Рион, вручая ей наушники, когда они приблизились к взлетно-посадочной полосе.

«Гениально», – подумала Либби, понимая, как Рион сделал состояние. Он узнавал желания людей и находил способ предложить их воплощение в аккуратно упакованной коробочке. Но в этом он всегда преуспевал. Именно такая тактика помогла ему однажды убедить ее отца

продвинуть его по службе: из камердинера в продавца, затем в менеджера демонстрационного зала. Он всегда точно знал, какой именно автомобиль от компании «Ашворт» следует предложить покупателю, в зависимости от бессознательной жестикуляции и мимики того. Людям, находящимся на грани кризиса среднего возраста, требовались скорость и долговечность; компьютерному гению, только что заработавшему свой первый миллион, – стильный и сексуальный автомобиль; банкиру на пенсии – удачное вложение средств, а его беспокойной жене – безопасное средство передвижения.

Но получали ли его покупатели именно то, о чем мечтали? Или реальность оказалась иной? Либби уныло размышляла об этом, не в силах не вспоминать свое замужество, когда самолет взлетел.

Она мечтала выйти замуж за Риона с первого дня, как увидела его, когда забирала забытые отцом документы. Либби поймала на себе взгляд потрясающе красивых, подернутых влажной карих глаз Риона, полировавшего элитный автомобиль 1964 года фирмы «Ашворт». Она так им увлеклась, что даже не задумалась: ведь ни он, ни она не готовы к браку.

«Незачем удивляться, что я им увлеклась», – подумала Либби, пока они парили над Афинами. Парфенон стал похож на фигурку на доске для игры в «Монополию». Рион не просто отличался от поклонников, с которыми отец Либби заставлял ее встречаться. Когда они перестали обмениваться взглядами украдкой и разговорились в один из дней, пока ее отца не было в магазине, Либби поняла, что Рион действительно другой. Откровенный и такой взволнованный. В разговоре с ней он не хвалил ее отца и не подсчитывал площадь земли поместья Ашворт. Нет, он говорил с ней о книгах про путешествия, которые она любила читать, о традициях Греции, которая казалась Либби самым экзотическим местом в мире. Ведь она никогда не выезжала из Суррея и проводила долгие монотонные дни в стенах особняка Ашворт и его окрестностях.

Либби почувствовала, как у нее сдавило запястья и лодыжки, когда вспомнила, что ее отец считал вольностью даже поход по деревенским магазинам, когда она уже была зрелым подростком. Вспомнила о том, как ее мать, мучимая обвинениями мужа в том, что не родила ему сына, исполняла каждый его приказ.

Таким образом, ее разговоры с Рионом стали своего рода обрядом, благодаря которому она выжила в юные годы. И хотя они редко откровенничали друг с другом – он нечасто говорил о своем детстве и упоминал только о матери, которая привезла его в Англию в раннем подростковом возрасте, – Либби считала нехватку информации положительным фактом. Рион, очевидно, не желал обсуждать тяжелый период своей жизни, да и Либби не хотела разговаривать о своем детстве.

В разговорах обоих привлекала взаимная возможность убежать от реальности – в недавно созданный мир, где прошлое не имело значения. И хотя Либби никогда не рассматривала возможность стать женой Риона, она непрестанно мечтала об иной жизни.

Но январским утром, вскоре после того как Либби исполнилось девятнадцать, она, случайно проходя через демонстрационный зал по своим делам, заметила, что Рион ждет ее. На его лице была такая счастливая улыбка, что при воспоминании о ней у нее екнуло сердце даже теперь.

– Рион, что такое?

– Твой отец. Он дал мне повышение. Я буду менеджером в демонстрационном зале.

– Это здорово! – просияла она и раскинула руки, но не стала его обнимать, внезапно испугавшись, что, вероятно, переоценила значение их разговоров.

Но Рион впервые взял ее за руки и посмотрел прямо в глаза:

– Это означает, что у меня будет действительно приличная зарплата.

Она восторженно кивнула, ее руки дрожали.

Он глубоко вздохнул:

– Я хочу кое о чем тебя спросить. Раньше я не считал... но теперь...

Сердце Либби подскочило в груди. Она услышала, как его дыхание стало прерывистым, голос задрожал:

– Ты могла бы выйти за меня замуж, Либерти Ашворт?

На этот раз она не мешкала. Либби обняла Риона, и он ее поцеловал. Первый и самый важный поцелуй в ее жизни.

– Я знаю, что формально должен просить твоей руки у твоего отца, но...

– Нет... Все отлично, – правдиво выдохнула Либби. Это она выбрала себе мужа, а не кто-то другой. И она была счастлива, что Рион это понимает.

Но ее отец не согласился. Когда они отправились за благословением, Томас Ашворт сразу же уволил Риона за дерзость.

– За четыре года ты продвинулся из камердинеров в менеджеры демонстрационного зала, и тебе по-прежнему мало? Как ты смеешь даже думать о том, что достоин посмотреть на мою дочь? Я старался развить твой талант продавца, а ты так мне отплатил? – брызгал он слюной.

А затем Томас прямо заявил Либби, что, если она даже попробует заговорить с Орионом снова, он бесповоротно выгонит ее из семьи.

Либби восприняла его слова как руководство к действию. Она решила избавиться от давления отца ради свободы. Но, когда они с Рионом тайно сбежали в Афины, она поняла, что была крайне наивна, предполагая, как они заживут в этом вымышленном мире. Либби считала, что брак даст ей свободу, к которой она страстно стремилась.

Либби прерывисто вздохнула, увидев в иллюминатор городской пейзаж. Жаль, что она с такими подробностями снова вспоминает прошлое. Но память у нее всегда была прекрасной. Она помогала ей в работе – Либби запоминала любой туристический маршрут, о котором когда-либо слышала, поэтому Кейт и взяла ее к себе.

– Так что за дела у тебя в Метамейкосе? – громко спросила она из-за шума самолета, решив отвлечься от воспоминаний.

Она заметила, как его губы изогнулись от изумления.

– На минуту мне показалось, что ты язык проглотила. О чем ты думала?

– Ни о чем особенном.

– Нет? Могу поклясться, что ты смотрела на мои руки, вспоминая, как я прикасался к тебе.

Ее щеки залились краской.

– Итак, ты телепат и пилот? Талантам, приобретенным тобой за прошедшие пять лет, нет конца.

– Я не читал твои мысли, дорогая, я следил за реакцией твоего тела.

Слишком хорошо понимая, что Рион преуспел в этом вопросе, Либби вернулась к своему первоначальному вопросу:

– Так что за дела у тебя в Метамейкосе?

– Несколько встреч, несколько мероприятий, на которых мне нужно появиться. Кроме того, мне следует уладить дела с собственностью, до того как я осяду там насовсем.

– Ты хочешь жить в Метамейкосе? – изумилась Либби. – Я всегда считала, что это место не слишком значимо для тебя.

– Это деловое решение, – бесстрастно ответил Рион.

– Но основной офис твоей компании в Афинах, так?

– Верно.

Либби нахмурилась. Итак, он заявил, что не испытывает эмоциональной привязанности к этому месту, что ее не удивило. Ведь теперь Рион ни к чему не привязан, кроме своих денег. Но зачем тогда туда лететь? Обладая подробной информацией о других частях света, она плохо знала Метамейкос. Но она знала наверняка, что в этом районе бизнес развит не так, как в

Афинах. Либби лишь помнила, что Метамейкос является независимой провинцией, разделенной на две части: один из беднейших районов Греции, где вырос Рион, и роскошный район с загородными домами очень богатых людей. Если она правильно помнит, Метамейкос больше знаменит хорошо сохранившимся античным амфитеатром.

– Я надеюсь, что вскоре у меня будет офис и в Метамейкосе.

Либби кивнула, хотя Рион не смог ее убедить. Она предположила, что провинция подойдет для развития водных видов спорта и индустрии отдыха. Но все же эта идея ее озадачила. Возможно, здесь ему удастся платить меньше налогов?

– Твои встречи в следующие две недели имеют к этому отношение, так?

– Косвенно, – уклончиво ответил он. – Сегодня вечером мы пойдем на постановку в местном амфитеатре.

– Постановка? – потрясенно спросила она, удивившись не только тому, что Рион потратит время на нечто отличное от подсчета цифр, но и тому, что он желает, чтобы она к нему присоединилась.

Рион заскрежетал зубами. Итак, она считает, что человек вроде него не способен наслаждаться культурой?

– Ты так решительно заявляешь, что все в прошлом, но ведь совершенно очевидно, что ты никогда меня не простишь.

Она нахмурилась:

– Что ты имеешь в виду?

– То, что многое изменилось.

– Разве? – спросила она, и в ее душе зажглась искорка надежды.

Глава 4

Говоря о том, что многое изменилось, Рион, вне сомнения, имел в виду дом, которым владел, и автомобиль, которым сейчас управлял. Именно так решила удрученная Либби, когда они направились со взлетно-посадочной полосы к его дому на «бугатти» последней модели. Если ей не изменяет память, это единственный автомобиль на планете, который стоит больше, чем автомобиль «ашворт-либерти» 1958 года выпуска. По иронии судьбы отец Либби назвал эту модель в ее честь.

Но хотя все указывало на то, что вилла Риона окажется столь же экстравагантной и дорогой, расположенной в самом богатом районе Метамейкоса, вышло наоборот.

Это был старинный каменный дом из двух уровней, в каждый из которых вела своя лестница, на ступеньках которой стояли терракотовые горшки с пышными цветами. На окнах были очаровательные деревянные ставни. Несмотря на большую площадь, дом казался теплым и уютным. Он выглядел как идеальное семейное гнездышко. Более того, если Либби все верно поняла во время поездки сюда, дом находился как раз посередине между богатой и бедной частью Метамейкоса, как раз напротив удивительно хорошо сохранившегося амфитеатра.

– Почему ты поселился здесь? – выдохнула она, касаясь рукой каменных стен. Она была убеждена, что Рион ответит, будто не выбирал этого дома сам. Когда возникла потребность где-нибудь разместиться, он предоставил возможность выбрать жилище своему служащему.

Рион мгновение помолчал, вспоминая, как вместе с братом Джейсоном сидел на верхних рядах амфитеатра, глядя на дом и семью богачей, которая в нем жила. С тех пор его единственной целью стало завладеть этим домом. Так было до тех пор, пока не умер Джейсон и не ушла Либби...

– Ребенком я поклялся поселиться в этом доме, – проворчал он в ответ.

Он жестом указал ей следовать за ним, но Либби замерла на пороге, изумившись тому, что Рион, видимо, не только привязан к Метамейкосу, но впервые за все время упомянул при ней о своем детстве.

Рион через плечо посмотрел на стоящую в дверях Либби:

– Уже поздновато передумывать о нашем соглашении, женушка.

– Я не передумую, – быстро сказала она, затем пожалела, что произнесла эти слова с такой уверенностью. – Просто восхищаюсь домом.

«И вне сомнения, меняешь свое мнение, – цинично подумал Рион, пока она с восторгом рассматривала декор вестибюля. – И подумываешь о том, почему не потребовала половину имущества мужа при разводе?»

– Я никогда не предполагала, что это будет так... Я не знаю...

Но до того, как ей удалось найти правильные слова, чтобы закончить фразу, оба услышали шаги.

Рион повернулся и подошел к основанию лестницы.

– Эрикля. – Он тепло улыбнулся.

Либби подняла глаза и увидела женщину примерно шестидесяти пяти лет, которая спускалась по лестнице с тряпкой в руке.

Рион поднял голову и заговорил по-гречески:

– Дом выглядит потрясающе. – Он с сожалением покачал головой. – Надеюсь, тебе не пришлось работать весь день.

Глаза старухи сверкнули, когда она остановилась на третьей ступеньке, став одного роста с Рионом. По-матерински обхватив его голову ладонями, она поцеловала его в лоб:

– Ты знаешь, что для меня это радость. Добро пожаловать домой.

Подняв глаза, она впервые заметила Либби.

– Орион Деликарис, – произнесла старуха, шлепая его тряпкой. – Неужели ты настолько невоспитан, что позволишь гостю стоять там, даже не представив нас друг другу?

Рион вздохнул и ласково потряхнул головой, будто говоря: «Ну, я представил бы вас друг другу, если бы ты дала мне шанс».

– Либби, – произнес он, подзывая ее, – это Эрикля, моя домработница и старинный добрый друг. Эрикля, познакомься с Либби, – он помедлил, – моей женой.

Эрикля округлила глаза, а затем восторженно ахнула. Хлопнув в ладоши, она поспешила к Либби и расцеловала ее в обе щеки.

Либби совсем опешила. Не от доброжелательного приветствия Эриклей, а от того, как ее представил Рион. Было очевидно, в Афинах никто не знал о том, что у него есть жена. Либби не предполагала, что Рион сообщит о ней теперь. Ведь если он скажет, что женат, только вот их брак спасти не удастся, ситуация окажется неприятной для него. Если только он действительно не уверовал в то, что они смогут снова быть вместе.

– Рада с вами познакомиться, Эрикля, – сказала Либби.

Изумленный Рион резко поднял голову, но не произнес ни слова.

– Красивая и умная. – Эрикля снова восторженно ахнула, но не успела Либби возразить, как вмешался Рион:

– Спасибо, Эрикля, за усердный труд. Но, боюсь, у нас с Либби не так много времени, а нам надо еще привести себя в порядок. Ведь мы должны сегодня вечером пойти на спектакль. Так что ты свободна.

Эрикля вдруг стала необъяснимо серьезной, будто Рион только что объявил, что идет на войну:

– Конечно. Я только соберу свои вещи и уйду. – Проходя, она коснулась руки Риона. – На кухне есть свежий мед и печенье с грецкими орехами, если кто-либо из вас проголодался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.